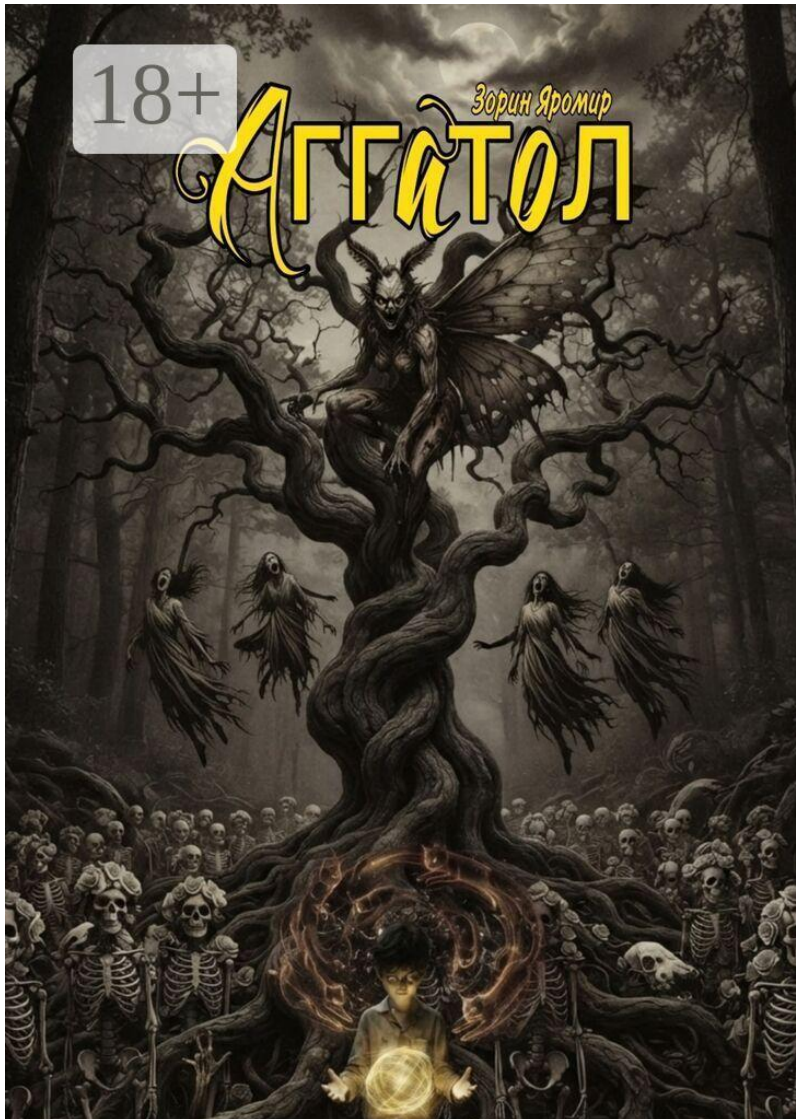

18+

Зорин Яромір

Аггатол

Яромир Зорин
Аггатол. Серия сборников-
«Фантомы Мрака»

<https://litres.ru/74320017>

ISBN 9785007091459

Аннотация

Это не просто истории — это порталы в места, куда боится заглянуть человеческий разум. Древние проклятия, городские легенды, оживающие в ночи, и бездна, которая смотрит на вас в ответ. Готовы ли вы встретиться с тем, что прячется в глубине страниц?

Содержание

Золотые пауки	6
Тропа в кошачью долину	10
Моль	15
Дети туманной лоцины	20
Дендэа	26
1	27
В тени увядающих крон	28
2	30
Корни и сталь	31
3	34
Зеленый лабиринт	35
4	38
Искры в темноте	39
5	42
Дыхание чащи	43
6	45
Сердцебиение мира	46
7	50
Дыхание пробужденной земли	51
8	53
Финал	54
Аггатол Грибз	56
1	57

Пепел семейного очага	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Аггатол
Серия сборников-
«Фантомы Мрака»

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-9145-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотые пауки

Старый приют «Сент-Клер» стоял на отшибе, окруженный кольцом мертвых торфяников и вечно шумящих серых сосен. Здание из потемневшего от времени кирпича помнило еще викторианские времена; здесь пахло сыростью, дешевым карболовым мылом и неизбывной детской тоской.

Директор мистер Крофт и экономка миссис Вэнс держали воспитанников в ежовых рукавицах. Дисциплина была железной, а ночи — долгими и тихими, если не считать скрипа половиц и ветра, бьющегося в узкие оконные рамы.

Один из воспитанников, десятилетний мальчик по имени Захария, никогда не отличался крепким сном. В ту ночь его вновь мучила бессонница. Ворочаясь на продавленной, скрипучей кровати в общей спальне мальчишек, он чувствовал странное, глухое неудобство под телом — будто в матрасе застрял крупный, твердый ком.

Захария засунул руку под жесткое полотно простыни и нашупал шов. Ткань в углу матраса была аккуратно распоротая, а внутри скрывалось нечто чужеродное. Затаив дыхание, мальчик вытянул на свет крупный овальный предмет, похожий на плотный кокон, сотканный из тончайших, переливающихся в темноте золотых нитей.

Кокон пульсировал. Он казался живым, теплым и излучал

странный, гипнотический свет.

Когда пальцы Захарии коснулись гладкой паутинной обочечки, в воздухе мгновенно распространился неуловимый, сладковатый запах — густой аромат ночных цветов и меда, смешанный с озоном после грозы.

Сопrotивляться этому аромату было невозможно. Захария почувствовал, как во всем теле разливается расслабляющее тепло, а мысли плаваются, превращаясь в тягучий кисель. Воля мальчика растворилась в один миг. Он поднес кокон к лицу, глубоко вдохнул манящий запах и застыл с блаженной, пустой улыбкой на губах. Золотая нить тонкой паутины уже потянулась от кокона к его запястью, обвивая руку мягким, невидимым браслетом.

На следующий вечер приют погрузился в сон. Первой в расставленные сети должна была попасть миссис Вэнс — женщина суровая, с тяжелым взглядом и гроыхающей связкой ключей на поясе.

Захария, чьи глаза теперь странно блестели в темноте золотистым отблеском, бесшумно поднялся с кровати. Феромоны, исходившие от него и пропитывавших приют паутинных нитей, заполнили коридоры.

Миссис Вэнс сидела в своей каптерке за бумагами, когда дверь тихо скрипнула. Экономка подняла глаза и увидела мальчика. На ее устах уже застыл привычный упрек, но стоило ей сделать вдох, как тяжелый, медово-сладкий аромат

ударил ей в нову.

Женщина замерла. Гнев и раздражение мгновенно испарились, сменившись абсолютным, животным умиротворением. Ее зрачки расширились.

— Захария... милый... — прошептала она фальшивым, отрешенным голосом, теряя способность двигаться по собственной воле.

Из тени коридора, бесшумная и стремительная, выступила огромная самка золотого паука, спустившаяся с потолка по прочной нити. Миссис Вэнс не закричала. Окутанная удушашающим облаком феромонов, она лишь слабо улыбнулась, когда длинные жвала вонзились ей в шею. Яд действовал мгновенно, превращая внутренности жертвы в питательный кокон. Взрослые падали первыми — покорные, зачарованные и беззащитные.

За неделю приют «Сент-Клер» полностью погрузился в тишину. Больше не было криков воспитателей, стука деревянных указок и плача малышей.

Мистер Крофт исчез бесследно, как и все остальные сотрудники. Спальни воспитанников теперь утопали в роскошных, переливающихся золотом паутинах, заменявших обои и потолки. Дети сидели на своих кроватях рядами, глядя перед собой стеклянными, счастливыми глазами. Они не боялись. Воздух в здании был насквозь пропитан сладким, дурманящим ароматом золотого кокона.

Захария стоял у высокого арочного окна и смотрел на се-

рые топи. За его спиной мерно, в унисон с биением сотен новых сердец, пульсировал огромный золотой улей, раскинувший свои сети от подвала до самой крыши. Впереди была долгая ночь, и пауки были готовы к трапезе.

Тропа в кошачью долину

Дождь в Окно-на-Камне барабанил однообразно, словно отсчитывал секунды до полного уничтожения мира. Для Лериты этот мир закончился три недели назад, в тот вторник, когда ветеринар тихо покачал головой и прикрыл глаза старой кошке.

Фарбирун была не просто животным. Ее шерсть отливала глубоким серебром грозового облака, а янтарные глаза видели то, что скрывалось за изнанкой человеческого зрения. Она была якорем Лериты в этом неуютном, промозглом мире. Без ее вечернего тепла под боком, без мягкого, вибрирующего на самой грани слышимости мурчания, комната превратилась в склеп.

Лерита сидела на полу у опустевшей лежанки, прижимая к груди потрепанную игрушечную мышцу, пропахшую сухой кошачьей мятой. Внезапно в тишине дома послышалось знакомое шуршание коготков по паркету.

— Фарбирун? — с замиранием сердца шепнула Лерита.

Из тени коридора никто не вышел. Но в воздухе отчетливо запахло озоном, вереском и сладковатым дымом костра. На самом дне пустой миски для воды серебрилась не рябь, а крошечная зеркальная гладь, в которой мерцала узкая тропинка, уходящая в чашу гигантских, неестественно синих папоротников.

Лерита не раздумывала. Она схватила дорожный плащ, сунула в карман горсть сухих трав и шагнула прямо в прохладную гладь миски.

Мир за зеркалом встретил ее тишиной, давящей и абсолютной. Лерита очутилась на узкой каменистой тропе, висевшей над бездонной пропастью молочного тумана. Под ногами стелился белый мох, пульсирующий в такт ее собственному испуганному сердцебиению.

— Добро пожаловать на Круглый Срез, смертная, — раздался шелестящий голос из кроны скрученного дерева с листьями-глазами.

Лерита обернулась. На ветке сидел огромный филин с перьями, похожими на страницы старых фолиантов. — Я ищу Фарбироун, — твердо сказала она, хотя колени ее дрожали. — Мою кошку. Она ушла в Долину Девяти Жизней.

Филин горько ухнул: — Туда идут те, кто отпустил. А ты цепляешься за боль, как утопающий за раскаленное железо. Эта тропа ломает чужаков. Здесь живут Тени Забвения. Ступив на нее, ты сбросишь кожу простого человека. Готова ли ты заплатить цену?

— Я уже умерла в тот день, когда ее не стало, — ответила Лерита. — Веди меня.

Филин взмахнул крыльями, и тропа под ногами девушки засияла тусклым, фосфорическим серебром. Чем дальше Лерита шла по тропе, тем сильнее менялся воздух. Он становился густым, насыщенным запахами серы, сухих корней

и грозового разряда.

На пути выросли ****Забытые Топи****. Из густой черной жижи поднялись чудовища — ****Мороморы****, существа с телами гончих и головами безглазых сов. Они питались тоской живых существ, их жуткий вой заставлял сердце сжиматься отъявленной болью. Ближайшая тварь прыгнула на Лериту, обнажая длинные кривые когти.

Девушка закричала, инстинктивно вскинув руки. В этот момент гнев на несправедливость смерти, смешанный с бесконечной любовью к Фарбироун, прорвался изнутри ярким потоком.

Из ее ладоней вырвалась вспышка ярко-синего пламени. Огонь не обжигал ее, но обрушился на Моромора сокрушительной волной, превратив чудовище в горстку светящегося пепла. Остальные твари завизжали и растворились в кислом тумане.

Лерита опустила руки и испуганно отступила. Ее пальцы теперь покрывали тонкие серебристые узоры, похожие на кошачьи руны, а в глазах вместо привычного карего цвета зажглись золотые вертикальные зрачки. Трансформация началась: природа Кошачьей Долины признала в ней хозяйку магии.

Миновав топи, Лерита вышла к ****Зеркальному Разлому****. Здесь тропа разветвлялась на сотни тропинок, и на каждой из них стояли фантомы из ее прошлого. Вот мама предостерегает от ошибок, вот старые обидчики смеются над

ее неудачами, а вот... образ Фарбирун, но холодный, чужой, уходящий во тьму.

— Не верь им! — пронесся в голове голос филина. — Это Стражи Обид. Они питаются тем, что ты не смогла простить.

Лерита закрыла глаза. Боль от потери кошки больше не жгла — она кристаллизовалась в чистую, мощную силу. Лерита поняла главное: любовь не требует владения. Она любила Фарбирун не за то, что та принадлежала ей, а за то, что они были единым целым в этом огромном мире.

Девушка взмахнула рукой, и темные фантомы развеялись, растаяв под напором рожденного ею белого сияния. Теперь она уверенно ступала по земле: ее плащ струился искрами, волосы поседели на прядях, а за спиной словно выросли невидимые крылья из чистой ночной прохлады. Лерита стала ведьмой — не злой колдуньей из детских сказок, а стражем равновесия между мирами живых и ушедших.

Последнее препятствие рухнуло само. Перед Лерисой распахнулись врата ****Кошачьей Долины****.

Это было невероятное место. Под вечным сумеречным небом, усыпанным алмазами созвездий, раскинулись поляны с высокими золотыми ковылями и светящимися родниками. Тысячи кошек всех мастей и возрастов грелись на мягких холмах, играли с лунными зайцами и пели свою общую, бесконечную песнь умиротворения.

Лерита шла меж ними, и кошки провожали ее уважительными, мудрыми взглядами, склоняя головы перед новорож-

денной хозяйкой путей.

На вершине центрального холма, у корней Древа Вечно-го Мурчания, сидела она. Фарбироун обернулась. Ее серебристая шерсть сияла внутренним светом, а янтарные глаза смотрели с бесконечным пониманием и любовью.

— Ты пришла, моя маленькая ведьма, — пронесся в сознании Лериты знакомый, бархатный голос, полный тепла.

Лерита упала на колени в мягкую траву. Фарбироун подошла ближе, потерлась теплым лбом о ее щеку, и воздух наполнился тем самым забытым, исцеляющим душу мурчанием, которое растворило всю боль, всю тоску и все страхи.

Слезы текли по щекам Лериты, но это были слезы полного освобождения. Она знала, что теперь они связаны навсегда — через миры, сквозь время и смерть. Ведь истинная любовь не исчезает в пепле; она превращается в магию, способную открывать любые двери.

Моль

Дом Артура и Марты давно превратился в музей увядшей памяти. Три года назад их мир рухнул в одно мгновение — пожар в детской унес жизни их сыновей-близнецов. С тех пор тишина в загородном особняке стала звенящей и удушливой. Марта словно растворилась в тенях: она месяцами не выходила из спальни, цепляясь за пожелтевшие фотографии и детские игрушки, покрытые тонким слоем пыли.

Артур искал спасение в своей лаборатории, обустроенной в подвале. Будучи биологом, одержимым идеей метаморфоз и регенерации живых тканей, он круглые сутки изучал ночных чешуекрылых. Его последней разработкой стал **Экстракт «Имаго-7»** — сложный биохимический состав, выделенный из желез редкой глубоководной моли, способной переживать экстремальное замораживание и клеточное обновление.

Он верил, что экстракт сможет исцелить не тело, а израненный разум, вернуть утраченную жизненную силу. Но коллеги-ученые отказались поддерживать безумный проект, а официальные тесты на животных застряли на стадии бюрократии.

Однажды вечером Артур поднялся наверх с небольшой ампулой в руке. Жидкость внутри нее мерцала тусклым перламутровым светом. Марта сидела у окна, глядя на темный

сад.

— Нам нечего терять, Марта, — тихо сказал он, касаясь ее холодных плеч. — Этот препарат... он стирает боль. Он перестраивает саму материю жизни. Позволь мне помочь тебе. Помочь нам.

Марта повернула к нему пустые, лишённые всякого блеска глаза и медленно кивнула. Ей было всё равно. Боль утраты давно заменила собой саму жизнь.

— -

Инъекция была сделана полуночью. Артур закрепил датчики на запястьях жены и стал ждать, сжав пальцы до боли. Первые полчаса не происходило ничего. Затем мониторы зафиксировали резкое падение температуры тела Марты — она опустилась почти до комнатной.

Марта не издала ни звука, но ее пальцы судорожно вцепились в простыню. Кожа на ее руках начала стремительно бледнеть, покрываясь мельчайшими пушистыми чешуйками, похожими на серебристую пыльцу.

— Артур... мне холодно... — прошептала она, и в ее голосе послышался странный, звенящий резонанс, напоминающий шуршание бумаги.

Ученый в ужасе и восторге записывал показатели. Препарат работал с пугающей скоростью. Метаболизм ускорился в десятки раз. На утро Марта уже не могла встать: ее позвоночник искривился, а за спиной, разрывая ткань ночной сорочки, начали проступать плотные зачатки хитиновых пла-

стин и широких, бархатистых крыльев пепельного цвета с темными глазами-метками на концах.

Она больше не плакала. Ее глаза, прежде карие, увеличились, стали фасеточными и отражали свет лабораторных ламп холодным синеватым блеском.

Прошла неделя. Марта больше не говорила человеческими словами. Из ее гортани вырывалось лишь тихое, непрерывное трепетание, похожее на ультразвуковой шелест ночных бабочек, бьющихся о лампу.

Она почти перестала есть человеческую пищу. Артур приносил ей сахарный сироп, растворы глюкозы и сухие травы, которые она жадно поглощала. Прежняя Марта исчезала с каждым часом, уступая место существу переходной формы — гибриду женщины и гигантской ночной моли. Ее руки удлинились, покрывшись тонкими волосками, а на спине раскинулись огромные, роскошные крылья, пахнущие горьковатой полынью и пылью.

Но самое страшное было в другом. По ночам Марта безудержно рвалась к свету. Едва в саду или в доме загоралась лампа, она билась о стекло с исступленным, отчаянным упованием, стремясь сжечь себя. Артур занавесил все окна плотным брезентом, превратив дом в кромешную тьму, освещаемую лишь слабыми красными диодами его приборов.

Он сидел рядом с ней часами, пытаясь рассмотреть в этом страшном, прекрасном создании черты своей жены. Иногда ему казалось, что в глубине фасеточных глаз мелькает чело-

веческая искра — узнавание и немое проклятие.

— Я хотел как лучше... я хотел избавить тебя от боли, Марта, — шептал он, глядя ее мягкие, усыпанные пылью крылья.

— —

Осенняя буря обрушилась на дом неожиданно, оборвав линии электропередач. В особняке погас последний искусственный свет. Воцарилась абсолютная тьма.

Для Марты это стало триггером. Инстинкт древнего ночного насекомого, усиленный генной мутацией, взял абсолютный верх над остатками разума. Издав пронзительный, режущий слух ультразвуковой крик, существо взметнулось под самый потолок гостиной. Мощные крылья подняли настоящий вихрь из пыли и обрывков старых воспоминаний.

Артур в панике бросился к генератору в подвале, пытаясь вернуть электричество. Но было поздно.

В темноте Марта обнаружила старый камин, в котором тлели угли, оставшиеся с вечера. Для существа, рожденного тьмой, но безумно влекущегося к пламени, это стало фатальным магнитом. Слабый красный свет тлеющих поленьев манил ее с непреодолимой силой.

Когда Артур вернулся с зажженным фонарем в руке, было уже не остановить трагедию.

Марта стремительно бросилась к открытому очагу. Ее широкие, сухие крылья мгновенно вспыхнули от малейшей ис-

кры, превратившись в факел. Она не кричала — лишь странный, затихающий шелест разнесся по комнате, похожий на шепот осыпающихся листьев.

Артур бросился вперед, пытаясь сбить огонь голыми руками, обжигая пальцы, но пламя пожирало хрупкие ткани с пугающей скоростью. Через несколько секунд все стихло.

На обугленных углях камина лежала лишь горстка светящегося серебристого пепла и оплавленные ампулы из лаборатории. Артур опустился на колени посреди пустой, темной комнаты, прижав к груди обгоревший лоскут ткани. Тишина вернулась в дом навсегда, но теперь она была наполнена не памятью об утраченных детях, а абсолютной, безмолвной пустотой, которую он создал своими руками.

Дети туманной лощины

Грозное небо над Ущельем Серого Камня висело низко, словно мокрое сукно. В 1823 году сюда добрался лишь один человек, уставший от войн старого континента, — француз Жан-Пьер Гольден. Он искал уединения, а нашел Элизабет Харт, девушку с глазами цвета весеннего льда и бледной, почти прозрачной кожей.

Ни Жан-Пьер, ни Элизабет не подозревали, что их кровь таит в себе невидимую трещину — редчайшую рецессивную мутацию, мирно спавшую в их родах на протяжении веков. Они обвенчались в заброшенной часовне у подножия Черной Скалы, построили дом из тесаного дуба и стали ждать детей.

Из семерых родившихся у них малышей четверо появились на свет с кожей странного, пугающего сине-серого оттенка. Младенцы кричали звонко, их сердечки бились ровно, но под тонким эпидермисом текла кровь необычного, глубокого шоколадного цвета.

— Это кара небесная, — шептавшие за спиной редкие пастухи крестились и обходили стороной дымок над усадьбой Гольденов.

Понимая, что их сыновей и дочерей ждет изгнание или костер суеверий, семья собрала нехитрый скарб и углубилась в непроходимые чащобы Ущелья, куда не проникали даже

лучи полуденного солнца. Дороги туда не было. Были лишь крутые тропы, заваленные буреломом, и вековое молчание скал.

Шли десятилетия. Ущелье Серого Камня превратилось в автономный мир, отрезанный от цивилизации горами и предрассудками. Синие дети Жана-Пьера росли, выросли и вступали в брак. Выбора не было: внешний мир боялся их, считая «детьми подземного народа» или носителями чумы.

Единственным выходом для выживания клана стали близородственные союзы. Кузены женились на кузинах, племянницы выходили за дядей. С каждым новым поколением ген метгемоглобинемии получал все больше шансов проявиться.

К концу девятнадцатого века половина жителей ущелья носила фамилию Гольден или родственников им Меллеров, а каждый третий ребенок рождался с сапфировым отливом кожи.

В туманные утра деревня казалась ожившей иллюстрацией к мрачной сказке. Люди с синими лицами пахали каменистую землю, пасли коз и собирали хворост. Они не чувствовали боли в суставах, их легкие жадно вбирали горный воздух, а сердца стучали ровно до глубокой старости — многие доживали до восьмидесяти пяти лет, оставаясь бодрыми и крепкими. Синева была лишь косметическим проклятием, внешним знаком их глубокой, роковой изоляции.

— Зачем нам спускаться вниз, к равнинным людям? —

говорил старейшина клана Бенджамин Гольден, человек с лицом цвета грозовой тучи и мудрыми глазами. — Там нас назовут уродами, станут тыкать пальцами и резать скальпелем. Здесь мы свои. Мы синие, но мы живые.

Страх перед чужаками стал религией. Любые попытки случайных странников или сборщиков налогов проникнуть в ущелье пресекались молчаливым бойкотом. Деревня укуталась в кокон из легенд, став живым мифом о «племени призраков».

Ноябрь 1961 года принес в Ущелье перемены, которых здесь не ждали полтора века. Молодой гематолог из университетской клиники столицы по имени Марк Стерн услышал старую студенческую байку о «синих людях Черной Скалы». Большинство коллег считали это фольклором, но Марк, одержимый редкими патологиями крови, решил проверить слух.

Пробираясь на днепперовском внедорожнике по размытой дождями колее, он наконец перевалил через хребет и въехал в деревню. Его появление вызвало панику. Синие мужчины схватились за ружья, женщины прижали к груди младенцев, а дети спрятались за плетеными изгородиями.

Марк поднял руки, показывая, что он один, и медленно открыл чемоданчик с медикаментами.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он на местном наречии, которому научился у архивариусов в областном архиве.

— Я врач. Я хочу понять, почему вы такие.

Спустя три дня недоверие сменилось робким любопытством. Старый Мартин Гольден, чей род населял ущелье с самого основания, позволил взять кровь на анализ.

В тусклом свете керосиновой лампы Марк заглянул в пробирку и замер. Кровь Мартина не была ярко-алой, как положен

о человеку. Густая, темная, почти черная жидкость цвета горького шоколада медленно оседала на дно.

— Это не генетическая порча и не проклятие, — прошептал Марк, глядя на удивленные лица собравшихся в избе людей. — Это дефицит фермента диастеразы. Из-за него гемоглобин не может нести кислород в привычном виде, и кровь теряет красный цвет. Ваше тело приспособилось, оно компенсирует нехватку фермента, но кожа окрашивается изнутри.

Часть третьевна: Эликсир за копейки

Марк не верил своему счастью. Загадка, мучившая три поколения врачей и пугавшая суеверных соседей, разрешалась с помощью школьного курса биохимии.

Он вспомнил эксперименты военных медиков начала века. Вещество, способное мгновенно восстановить окисленный гемоглобин, существовало в любой аптеке за гроши. Метиленовая синь. Парадокс заключался в том, что вещество с синим названием творило с синей кожей настоящее чудо.

На следующий день Марк принес в центр деревни стек-

лянный шприц и флакон с прозрачным раствором.

— Кто первый рискнет? — спросил он.

Вызвался молодой парень по имени Лукас, уставший от презрительных взглядов редких торговцев в приграничных лавках. Марк ввел дозу чистой метиленовой сини внутривенно.

Все затаили дыхание. Прошла минута. Две. Пять.

На глазах изумленной толпы синеватый оттенок на скулах и шее Лукаса стал бледнеть. Словно невидимый ластик стирал вековую краску с его кожи. Спустя десять минут перед удивленными сельчанами стоял молодой мужчина с нормальным, розоватым цветом лица, каким обладали люди по ту сторону гор.

Лу Лукас подбежал к зеркалу, висевшему на стене амбара, и впервые в жизни увидел себя не монстром из легенд, а обычным парнем. По деревне пронесся вздох облегчения, перешедший в глухой, сдержанный плач. Полтора века страха, стыда и инцеста испарились от нескольких капель дешевого аптечного препарата. Прошел ровно год с того дня, как в ущелье пришла первая асфальтированная дорога. Государственная комиссия проложила шоссе прямо сквозь Черную Скалу, соединив изолированную долину с большой землей.

Синие люди больше не прятались. Получив курс лечения, они сменили мрачные темные одежды на яркие рубашки, завели автомобили и начали выезжать в города за продуктами, учебой и работой. Генетическая изоляция рухнула. Молодые

парни и девушки стали уезжать на равнину, влюбляться в людей из других городов, и древний дефектный ген растворился в огромном океане человечества.

Ущелье опустело. Лишь ветер гуляет по заброшенным деревянным домам, где когда-то жили гордые и несчастные «Аватары» с берегов Озёрной Тени. На старом кладбище под сенью вековых сосен стоят простые деревянные кресты. На некоторых из них до сих пор лежат мелкие стеклянные пузырьки из-под синего лекарства — как знак благодарности людям, нашедшим дорогу из тьмы к свету.

Дендэа

В тени увядающих крон

Воздух в запретных землях пахнул озоном, сырой листво́й и металлом. Габриэль Вилькорн стер тыльной стороной ладони капли дождя со лба, поправил высокий воротник дорожного плаща и тяжело вздохнул, глядя на мрачные развалины, утопающие в сумерках.

Глубокий, насыщенно-синий вечер укутывал мертвый лес, словно бархатный саван. Империя Техномагии трещала по швам: паровые котлы столичных мануфактур остывали, рунические генераторы гасли один за другим, оставляя города во власти слепой тьмы и холода. Спасти Империю мог лишь легендарный Первоисточник — ядро древнего Великого Леса, который, по преданию, сгинул века назад. Габриэль, ученый и прагматик, до последнего не верил сказкам. Но когда в его лаборатории погас последний кристалл, ему пришлось отправиться в самое сердце диких пустошей, руководствуясь лишь полуистлевшими картами.

Он ожидал найти здесь лишь пыль, прах и мертвые кости цивилизации. Но никак не ожидал — ее.

Она сидела на поросшем мхом камне посреди поляны, окруженной призрачным свечением ночных цветов. Ярко-рыжие волосы рассыпались по плечам тяжелыми, живыми волнами, ярко контрастируя с сумрачным фоном ночи. Но еще сильнее поражало другое: из ее волос, оплетая голо-

ву словно корона, тянулись тонкие живые ветви, усыпанные крошечными, распускающимися прямо на глазах бутонами. Терновый венец казался частью ее плоти.

Габриэль замер, боясь выдать себя хрустом ветки под сапогом.

Девушка медленно повернула голову. Ее глаза — пронзительно-зеленые, глубокие, как лесная чаща, — встретились с его взглядом. В них не было страха. Только древняя, усталая настороженность хищника, чей дом в очередной раз потревожили чужаки.

— Ты принес с собой железо и смрад машин, чужеземец, — ее голос прозвучал тихо, но эхом раненся между деревьями, заставив затрепетать листву на ветвях, прорастающих сквозь ее плечи. — Здесь им не место.

Габриэль инстинктивно сделал шаг назад, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Это была не просто дикарка-отшельница. Это была сама боль и память уходящей природы, воплощенная в плоти. И от этой встречи зависела не только судьба Империи, но и их собственные жизни.

Корни и сталь

Габриэль заставил себя не отводить взгляд от ее пронзительных, по-хищному зеленых глаз. В столице его учили верить формулам, расчетам и безупречной логике стальных механизмов, но сейчас все эти знания казались ненужным хламом перед лицом живой, непостижимой стихии.

— Я пришел не воевать, — медленно произнес Вилькорн, приподняв руки ладонями вперед, чтобы показать отсутствие оружия. — Мое имя Габриэль Вилькорн. И мне нужно не уничтожить то, что здесь осталось, а найти способ спасти то, что погибает там, за пеленой тумана.

Дэндэа — так, судя по древним преданиям, звали стражницу увядающего мира — склонила голову набок. Тонкие ветви, вплетенные в ее огненно-рыжие волосы, едва слышно зашелестели, словно переговариваясь между собой. На лепестках распустившихся прямо в венце бутонов дрожали капли влаги.

— Спасти? — в ее голосе прозвучал горький, звенящий скепсис. — Ваши машины сожрали жилы этой земли, осушили подземные реки и выжгли небо над нашими кронами. Вы называете это прогрессом. А теперь, когда ваши же создания обратились против вас, вы ищете здесь последнюю искру, чтобы продлить свою агонию?

— Города замерзают, Дэндэа, — шагнув ближе, тихо ска-

зал Габриэль. Он чувствовал, как от нее исходит прохладный, терпкий аромат хвойной смолы и грозовой свежести. — Миллионы людей не имеют никакого отношения к безумию императорских алхимиков. Старики, дети... они просто хотят жить. Если Первоисточник существует, он — наш единственный шанс восстановить баланс, а не уничтожить его окончательно.

Девушка поднялась с камня. Только теперь Габриэль заметил, до какой степени ее тело было слито с окружающим пейзажем: зеленые побеги обвивали ее плечи, спускаясь ниже, к легкой ткани платья, сотканного, казалось, из самой листвы. Она была хрупкой на вид, но в каждом ее движении чувствовалась скрытая, первобытная мощь, способная в одно мгновение разорвать человека на части.

Она подошла вплотную. От нее веяло холодом глубокой чащи. Дэндэа протянула руку и коснулась лацкана его дорожного плаща — грубой ткани, пахнувшей машинным маслом и углем. Ее пальцы были тонкими, изящными, но на кончиках ногтей угадывался едва заметный зеленоватый оттенок.

— Ты пасешься железом, чужеземец, — шепнула она, заглядывая ему прямо в душу. — Земля не простит твоим сородичам того, что они сотворили. Но если ты солгал хоть в едином слове... этот лес станет твоей могилой, а твои кости станут удобрением для новых ростков.

Не дожидаясь ответа, она резко развернулась и шагнула в

густеющую синеву ночного леса, где ветви расступались перед ней сами собой, словно признавая в ней свою госпожу.

Габриэль тяжело сглотнул, чувствуя, как участился пульс. Путь в сердце запретных земель только начинался, и он уже отчетливо понимал: даже если ему удастся спасти Империю от холода, спасти собственное сердце от этой лесной девы будет куда труднее.

Зеленый лабиринт

Лес вокруг них жил своей, чуждой для человека жизнью. То, что Габриэль поначалу принимал за мертвые заросли и хаос переплетенных сучьев, на самом деле оказалось сложнейшей экосистемой, подчиненной воле Дэндэа. Стоило им углубиться в чащу, как путь преградила сплошная стена колючего кустарника. Девушка лишь легко взмахнула рукой, и ветви послушно расступились, образуя узкий проход.

Они шли молча уже больше часа. Габриэль чувствовал, как усталость наваливается на плечи тяжелым грузом: тяжелые походные ботинки утопали в мягком, пружинящем мху, а разреженный, перенасыщенный кислородом воздух кружил голову человеку, привыкшему к духоте столичных лабораторий и гарри угольных шахт.

В какой-то момент он оступился на скользком камне и невольно схватился за ближайшее дерево, чтобы не упасть. Кора под пальцами странно теплела, пульсируя, словно живая плоть. По руке тут же пробежала легкая, покалывающая дрожь.

— Не прикарайся к мертвым артериям, — голос Дэндэа прозвучал неожиданно близко. Она остановилась и обернулась. — Этот дуб погиб еще тридцать лун назад, когда ваши горные буры пробили первый глубокий пласт. Теперь в нем течет лишь гниль и застоявшаяся кислота.

Габриэль быстро убрал руку, вытирая ладонь о штанину.

— У нас в столице инженеры изучают сопротивление материалов, — хмуро бросил он, пытаясь скрыть смущение и перевести дыхание. — Нас учат, что ресурс можно считать, а любую поломку — исправить заменой детали. Но здесь... ваши законы природы кажутся мне высшей математикой, которую я не способен прочесть.

Дэндэа изумляюще посмотрела на него своими огромными, изумрудными глазами. В тусклом свете биолюминесцентных грибов, усыпавших корни гигантских деревьев, ее рыжие волосы казались медными нитями, а терновый венец зловеще поблескивал шипами.

— Потому что вы хотите владеть тем, чего не понимаете, — тихо ответила она, делая шаг навстречу. Расстояние между ними сократилось донельзя. Габриэль отчетливо услышал, как бьется ее сердце — или это стучал сам лес под их ногами? — Вы строите свои башни из железа, забывая, что любой металл рано или поздно возвращается в руду. Природа не подчиняется приказам, Габриэль. С ней можно только договариваться.

— Тогда давай договоримся, — не отводя взгляда, произнес Вилькорн. В его голосе прозвучала неожиданная для него самая твердость. — Доведи меня до Первоисточника. Покажи, что осталось от этого мира. А взамен... я покажу тебе то, чего ты никогда не видела. Я покажу тебе город, который умирает не от злобы, а от страха перед темнотой. Быть

может, тогда ты поймешь, почему я здесь.

Дэндэа долго молчала. На ее лице не дрогнул ни один мускул, но ветви в волосах чуть качнулись, словно взвешивая его слова. Наконец, она медленно кивнула.

— Хорошо, чужеземец. Дорога будет долгой, а лес полон тех, кто не рад твоим шагам. Держись за мной и не делай глупостей. Если оступишься — я не стану просить землю вернуть тебя обратно.

Она вновь повернулась к нему спиной и зашагала вперед, уверенно рассекая темноту ночного леса. Габриэль поправил лямку дорожной сумки, в которой позвякивали измерительные приборы и колбы, и поспешил следом, понимая, что пути назад у него больше нет.

Искры в темноте

Ночной мрак сгущался, превращаясь в непроглядную стену, где очертания деревьев казались призрачными силуэтами гигантских исполинов. Габриэль чувствовал, как силы постепенно покидают его: ноги налились свинцом, а дыхание стало сбиваться от каждого подъема в гору. Единственным ориентиром в этом хаосе теней оставался мягкий, почти потусторонний свет, исходивший от бутонов в волосах Дэндэа, которые служили им живым факелом.

Девушка неожиданно остановилась у подножия массивной скалы, скрытой за завесой плакучих ветвей.

— Нам нужно переждать здесь, — не оборачиваясь, произнесла она. Ее голос звучал глухо в тишине ночного леса. — Скоро начнется чад. Земля выдыхает пары, которые затуманивают разум тем, у кого в крови нет лесного сока.

Габриэль с облегчением опустился на плоский камень, прислонившись спиной к прохладной каменной стене. Он снял тяжелую сумку и устало потер затекшие плечи. Дэндэа же осталась стоять у входа в небольшое природное укрытие, всматриваясь в темноту чащи.

Вилькорн расстегнул клапан дорожного несессера и достал оттуда небольшой медный прибор с руническим циферблатом — портативный манометр остаточного давления, который в столице использовали для замера энергии паровых

котлов. Стекло прибора слабо мерскло тусклым янтарным светом, еле живое дыхание техники в мире чистой магии.

— Что это за игрушка? — раздался над ухом тихий шелковистый голос. Дэндэа неслышно подосела ближе, с любопытством разглядывая блестящий металл в его руках. Вблизи от нее веяло прохладой трав и едва уловимым ароматом ночной грозы.

— Это не игрушка, — чуть улыбнулся Габриэль, стараясь не делать резких движений. — Это компас для энергии. В моем мире он показывает, сколько жизни осталось в котлах, питающих наши дома. Но здесь... — он кивнул на стрелку прибора, которая бешено дергалась, ударяясь о стекло, — ... он сошел с ума. Как будто сам воздух наэлектризован вашей силой.

Дэндэа протянула руку и кончиком пальца осторожно коснулась холодного металла. В тот же миг янтарный свет внутри прибора вспыхнул ярче, а стрелка плавно замерла ровно посередине шкалы. Ветви в ее рыжих волосах качнулись, словно от легкого дуновения ветра, хотя в укрытии царил полный штиль.

— Твои машины слепы, Габриэль, — тихо сказала она, не отводя глаз от мерцающего стекла. — Они измеряют лишь то, что можно разрушить и сжечь. Но они не видят то, что течет сквозь живые ткани.

Она подняла на него взгляд. В темноте ее зеленые глаза казались огромными и бездонными, а терновый венец

обрамлял лицо как корона древней королевы падшего мира. Между ними повисла напряженная, почти осязаемая тишина, в которой отчетливо стучали два совершенно разных сердца — одно, рожденное техногенным веком стали и пара, и второе, бьющееся в унисон с умирающей, но гордой природой.

Габриэль почувствовал, как исчезает привычный страх перед неизвестностью. Остался лишь этот призрачный свет, густой лесной воздух и хрупкая грань между двумя мирами, которые, возможно, еще можно было спасти.

Дыхание чащи

Ночная прохлада отступала, сменяясь густым, удушливым туманом, который медленно полз по земле, цепляясь за корни и камни. Дэндэ резко поднялась на ноги, прервав короткий отдых. Ветви в ее рыжих волосах настороженно зашевелились, а бутоны на них плотно закрылись, словно предчувствуя беду.

— Чат начался, — тихо произнесла она, бросив на Габриэля предостерегающий взгляд. — Земля выдыхает отраву. Держись за мной и постарайся не делать глубоких вдохов.

Вилькорн торопливо убрал медный прибор в сумку, накинул капюшон дорожного плаща и поднялся вслед за ней. Воздух действительно изменился: он стал тяжелым, пахнущим тлеющей листвой, сыростью и старой медью. В темноте вокруг них стали отчетливо слышны странные звуки — глухие стуки, шуршание и скрежет, будто сама почва под ногами пыталась сбросить с себя чужеродный груз.

Они двинулись дальше сквозь завесу тумана, который клубился вокруг них призрачными спиралями. Габриэль чувствовал, как у него начинает кружиться голова, а в ушах появляется назойливый гул, похожий на работу парового турбинного вала на предельных оборотах.

Вдруг сквозь пелену тумана проступили силуэты. Прямо на их пути из темноты материализовались фигуры, соткан-

ные из переплетенных сучьев, мха и заржавевших железных обломков. Это были стражи нижнего яруса — порождения мертвых технологий и искаженной магии, защищавшие подходы к сердцу леса от любых чужаков.

Дэндэа мгновенно встала перед Габриэлем, раскинув руки в стороны. Ее глаза вспыхнули хищным изумрудным светом.

— Назад! — крикнула она голосом, в котором звенела первобытная сила пробудившегося леса.

В тот же миг из-под земли взметнулись толстые живые корни, обвивая фигуры стражей и с треском ломая их металлическую основу. Бой был коротким, но яростным: природа отстаивала свое право на тишину. Тяжело дыша, Дэндэа опустила руки, а обломки враждебных марионеток рассыпались по земле прахом и ржавчиной.

Она обернулась к Габриэлю, бледная, но решительная.

— Мы близко, — шепнула она, тяжело переводя дыхание. — Первоисточник за этой стеной. Готов ли ты увидеть то, что может уничтожить твой мир — или подарить ему новую жизнь?

Вилькорн кивнул, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, готовое принять любую правду.

Сердцебиение мира

Туман расступился неохотно, словно тяжелый театральный занавес, открывая взору то, что было скрыто от человеческих глаз тысячелетиями. Габриэль замер, забыв, как дышать. Воздух здесь больше не пах гарью или ржавчиной — он был кристально чистым, звенящим от первозданной энергии, которая покалывала кожу наэлектризованными искрами.

Они стояли на краю колоссального подземного кратера. Вниз уходили террасы, поросшие невиданными светящимися мхами, а в самом центре, над глубоким озером темной воды, парило *Оно*. Первоисточник.

Это не было ни генератором, ни магическим кристаллом в привычном понимании имперских инженеров. Это было колоссальное сплетение гигантских корней, образующих сферу размером с центральную ратушу столицы. Сфера медленно, ритмично пульсировала, излучая мягкий изумрудный свет, который волнами расходился по пещере. Каждый удар этого древесного «сердца» отзывался гулким эхом в груди Габриэля.

— Вот она, — прошептала Дэндэа. В ее голосе смешались благоговение и глубокая, вековая печаль.

Она сделала шаг к краю обрыва, и свет Первоисточника отозвался, вспыхнув ярче. Ветви в волосах девушки радост-

но потянулись к источнику, маленькие бутоны в ее терновом венце начали распускаться один за другим, превращаясь в сияющие белоснежные цветы. В этот момент она казалась не просто лесной отшельницей, а истинным божеством этого места, неотделимым от пульсирующего внизу сердца.

Габриэль медленно опустил руку на свою дорожную сумку. Там, среди измерительных приборов, лежал алхимический аккумулятор — сложнейшее устройство, способное поглотить и законсервировать магическую энергию колоссальной мощности. Ему нужно было лишь спуститься вниз, подключить проводники и повернуть вентиль. Империя была бы спасена. Заводы бы вновь запустились, а в домах зажегся бы свет.

Но теперь, глядя на это живое, дышащее чудо, он с ужасом осознал правду.

— Если я заберу эту энергию... — хрипло начал он, не узнавая собственного голоса. — Если я попытаюсь перекачать ее в резервуары...

— Ты убьешь его, — спокойно закончила Дэндэа, не оборачиваясь. Она смотрела вниз, на светящуюся сферу. — Первоисточник — это не угольный пласт и не резервуар с паром. Это душа Великого Леса. Это память каждого листа, который когда-либо падал на эту землю. Если ты вырвешь его сердце, погибнет все. И я тоже исчезну вместе с ним, Габриэль.

Вилькорн почувствовал, как земля уходит из-под ног. Вся

его миссия, годы расчетов, приказы Императора — все это рушилось, превращаясь в пыль перед лицом этой первозданной красоты. Он смотрел на спину Дэндэа, на ее тонкие плечи, обвитые зелеными побегами, на ее огненные волосы, свещающиеся в изумрудном полумраке, и понимал, что не сможет этого сделать. Ни ради Империи, ни ради всего человечества.

Он не мог стать палачом этой девушки.

— Мой прибор... он опустошит сферу за несколько часов, — Габриэль медленно снял с плеча тяжелую сумку. Раздался глухой стук металла о камень, когда он бросил ее к своим ногам. — Но я не прикоснусь к нему.

Дэндэа резко обернулась. В ее зеленых глазах читалось недоверие, которое медленно сменялось изумлением. Она подошла к нему, ступая мягко, как рысь, и остановилась в шаге от алхимика.

— Твой народ замерзает, — напомнила она тихо, почти испытываяюще. — Ты вернешься с пустыми руками. Тебя назовут предателем и казнят на главной площади.

— Пусть так, — Габриэль выдержал ее взгляд, чувствуя, как внутри него что-то сломалось, но на смену этому пришла удивительная ясность. — Я ученый, Дэндэа. Мой долг — искать решения, а не уничтожать последние чудеса этого мира. Мы найдем другой путь. Вместе. Должен быть способ исцелить этот лес так, чтобы он сам поделился теплом с моими городами.

Девушка смотрела на него долгим, нечитаемым взглядом,

а затем уголки ее губ дрогнули в едва заметной, первой за все время их знакомства, улыбке. Она протянула руку, и ее пальцы, прохладные и пахнущие лесом, коснулись его щеки.

— Возможно, в тебе и твоих машинах оказалось больше жизни, чем я думала.

Дыхание пробужденной земли

Гул Первоисточника стал мягче, превратившись из глухих ударов в мерное, колыбельное биение, словно сердце огромного зверя, принявшего чужака не как врага, а как равного. Свечение сферы сменилось с тревожно-изумрудного на теплое, янтарное — цвет молодой листвы, освещенной закатным солнцем.

Дэндэа не отнимала руки от щеки Габриэля. Под ее пальцами кожа ученого больше не казалась мертвенно-бледной от долгих лет заточения в каменных лабораториях столицы; он чувствовал, как по жилам вместе с кровью начинает циркулировать та же дикая, первородная искра, что питала этот подземный мир.

— Ты говоришь о другом пути, — произнесла она, и ее голос эхом отразился от сводов пещеры. — Но знаешь ли ты цену этому компромиссу, имперец? Лес не делится силой бесплатно. Ему не нужны металл и шестеренки. Ему нужен союз.

Габриэль кивнул, чувствуя, как страх перед неизбежным судом Империи растворяется в этом сияющем пространстве. Он больше не был рабом императорских декретов.

— Я знаю, — ответил он твердо. — Мы не будем выкачивать энергию силой. Мы создадим проводники нового типа — биорезонансные контуры. Такие, которые смогут улавли-

вать не сам источник, а его избыточное тепло, то дыхание, которым лес и так делится с атмосферой. Этого будет мало для промышленных гигантов, но достаточно, чтобы согреть дома и больницы людей, не причиняя вреда корням.

Девушка внимательно всмотрелась в его глаза, ища малейшую тень фальши или холодного расчета. Не найдя ничего, кроме искренней решимости ученого и человека, она улыбнулась шире, и в этот момент цветы в ее венце вспыхнули ослепительно-белым светом.

— Тогда оставайся, — прошептала Дэндэа. — Империя объявит тебя вне закона, но здесь, среди живых ветвей, рождается новое будущее. Вместе мы найдем этот баланс.

Финал

В столице Империи имя Габриэля Вилькорна произносили лишь шепотом, считая безумцем и государственным изменником, сбежавшим в запретные леса с секретными чертежами. Экспедиционные корпуса, отправленные на его поиски, возвращались ни с чем: граница Великого Леса словно затягивалась непроходимой стеной из тумана и колючих лиан, не пуская внутрь ни единого металлического механизма.

Но империя не погибла в ледяном коллапсе. На самых дальних ее рубежах, у самой кромки заповедной чащи, стали появляться странные, гармоничные поселения. Дома там строились прямо из живой древесины, переплетенной с легкими медными нитями, а в зимнюю стужу стены излучали мягкое, целительное тепло. Там не было грохота паровых котлов и черного дыма труб — лишь тихий шелест листьев и мерный гул подземного сердца, бьющегося в унисон с человеческими сердцами.

Габриэль больше не носил имперский мундир. Его руки были покрыты легкими шрамами от работы с дикими растениями, а на плечах покоилась накидка, сотканная из мягкого мха и волокон коры. Он стоял на смотровой площадке у края кратера, наблюдая, как первые лучи рассвета касаются сияющей сферы Первоисточника.

Рядом, опираясь плечом о его плечо, стояла Дэндэа. В ее

волосах по-прежнему покачивались хрупкие бутоны, но теперь они цвели круглый год.

Мир изменился. И впервые за долгие века человек и природа перестали воевать, заключив вечный союз у бьющегося сердца самой земли.

Аггатол Грибз

Пепел семейного очага

Обычно книги начинаются с описания погоды или унылого пейзажа за окном. Дождь барабанит по стеклу, ветер воет в трубе — классика, призванная настроить читателя на нужный лад. Забудьте. За окном нашего дома погода была совершенно нормальной: светило солнце, пели птицы, и ничто не предвещало беды, кроме моих родственников.

Их можно было бы назвать обычными людьми, если бы слово «обычный» не ассоциировалось со здравым смыслом. Здравый смысл же обходил наш дом стороной, оставляя после себя выжженную пустыню из необоснованных истерик, бытовых драм и грандиозных планов по разрушению собственной жизни.

— Аггатол! — пронзительный голос матери разорвал тишину гостиной, заставив меня поморщиться. — Ты опять сидишь в своей комнате и занимаешься черт знает чем! Спустись немедленно!

Я не спешил. Спешка — удел нетерпеливых и глупых. Медленно поднявшись со стула, я окинул взглядом свой рабочий стол. Стопка черновиков, несколько засушенных образцов странной лесной флоры, которую я собираю для личных исследований, и чашка остывшего чая. Всё на своих местах. Идеальный порядок, отражающий мой внутренний мир, в отличие от хаоса, царившего этажом ниже.

Спустившись по скрипучей лестнице — еще один повод сделать капитальный ремонт, о котором в этой семье только говорят, но никогда не делают, — я вошел на кухню.

Картина маслом: отец сидит за столом и с видом мученика, несущего крест всего человечества, ковыряется вилкой в пустой тарелке. Рядом, заламывая руки, ходит мать, готовая рыдать по любому поводу — от подгоревшего тоста до глобального потепления.

«Каждый несчастливый семейный ужин несчастен по-своему, но наш стабильно тянет на соискание премии в номинации „Худший цирк шапито“», — промелькнула у меня в голове вполне закономерная мысль.

— Ты слышал? — закричала мать, едва заведя меня в дверях. — Твой отец снова потерял документы на машину! На этот раз точно! Он говорит, что их украли инопланетяне или налоговая, я уже не помню!

Я спокойно посмотрел на отца. Тот тяжело вздохнул, избегая моего взгляда.

— Пап, — произнес я ровным, лишенным эмоций голосом. — В прошлый вторник ты положил их в коробку из-под обуви в прихожей, потому что искал стельки. Они лежат там же.

В кухне повисла абсолютная, звериная тишина. Мать перестала заламывать руки. Отец замер с вилкой у рта.

— Эм... В коробке? — растерянно переспросил он, моргая своими честными, но абсолютно пустыми глазами.

— Именно там, — подтвердил я. — Если бы вы потратили хотя бы пять процентов энергии, уходящей на ваши ежедневные истерики, на элементарный анализ ситуации, наша жизнь не напоминала бы хронику катастроф. Но нет. Гораздо проще устроить всеобщую панику и обвинить во всем мироздание.

— Ах ты, неблагодарный мальчишка! — всплеснула руками мать, мгновенно переключив праведный гнев с отца на меня. — Мы тут из кожи вон лезем, чтобы дать тебе всё, а ты сидишь тут и смотришь на нас как на умалишенных!

— Я не смотрю на вас как на умалишенных, — вежливо поправил я ее. — Я просто констатирую факт. Между «смотреть» и «видеть» огромная разница.

Отец молча поднялся из-за стола, шмыгнул носом и поплелся в прихожую проверять коробку из-под обуви. Через минуту оттуда донесся приглушенный звук триумфального вопля: «Нашел!». Ни извинений, ни признания собственной неправоты от них, разумеется, не последовало. В нашей семье признание ошибок приравнивалось к смертному греху.

Я развернулся и пошел обратно к себе. До моего совершеннолетия оставалось ровно два года, три месяца и несколько дней. С каждым днем это число уменьшалось, и данное обстоятельство наполняло меня глубоким, ничем не омраченным оптимизмом.

Потому что жить среди людей, которые не способны отличить реальность от собственных страхов — занятие уто-

мительное. Хорошо хоть, что унаследовал я явно не их генофонд.

Предстояло выяснить, какую именно катастрофу вселенского масштаба на этот раз умудрился предотвратить или, наоборот, спровоцировать мой гениальный родитель. До совершеннолетия оставалось все меньше времени, и с каждым днем этот побег из палаты номер шесть казался мне все более оправданным шагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.